

вместе с дочерью младенцем отправили в Курск в инфекционную больницу им. Семашко. 5 декабря 1938 г. она умерла. А новорожденная Анна?... Городская тётка Анна Егоровна обратилась в больницу, с просьбой сказать, жив ли ещё ребёнок и если да, то можно ли его забрать домой. Просьбу свою подкрепляла показом метрики (свидетельство о рождении). В ответ услышала, что девочку- младенца уже три дня как похоронили. Однако в душе женщины закралось подозрение, не обман ли это. Женское сердце чуткое, так просто и сразу его не обманешь. Попросила объяснить всё более доказательно, пригрозила, если что, то она будет жаловаться, судиться. Услышав такие слова, одна из санитарок подошла к ней, взяла под руку, отвела в сторону и тихо произнесла: - «Чего шумишь то, дурёха?!... Жив ребёнок, живёхонек, не шуми, а рассуди умом своим. У твоего брата вдовца четверо девок, которых ещё поднять надо, зачем ему пятая? Её взяли очень хорошие люди. Не шуми, подумай сама». Превозмогая тяжёлую болезнь, телесные и душевные страдания схоронил Алексей Егорович свою жену, думал он, что и дочь его померла. Спустя малое время сестра его Анна Егоровна тоже тяжело заболела и скоропостижно умерла. Однако горькую тайну свою не унесла в могилу, перед самой смертью, сказала старшей из Алексеевых дочерей Клавдии: - «Жива ваша Анька, жива...». С тех пор ищут её родные. Первое время помогала вдовцу Алексею старуха тёща, покойницы жены Веры мать, проживавшая в деревне Потаповой Брежневского сельсовета. Но трудно, не по уставу это мирскому, ещё молодому, «в силах» мужику-крестьянину работному, без спутницы верной, без бабы здоровой хозяйствовать на земле. Это в городах вдова аль вдовец, знай себе у окошка, век тужи - век горюй, а в деревне иначе всё, по-другому - коль не стар, то при делах ещё. Завсегда матушка земля через руки мозолистые и спину потную подскажет истину Вышнюю, сокровенную: смертью рождение обретается, не тужи не горюй мил человек, не ленись, трудись и плодись, хлеб и детей расти, совесть пред Богом и людьми в чистоте содержи, а придёт час, примиришь, всем поклонись и ко мне возвратись. Эта древняя, ещё праотцёв истина, веками была правилом и нормой крестьянской жизни. (продолжение в следующем номере)